

Чэнь Цзяньхао успел схватить Чжоу Ши за запястье прежде, чем кулак того опустился на его лицо, не дав сблизиться ни на дюйм.

— Отпусти меня! — Чжоу Ши, почувствовав, как его удерживают, не колеблясь, разжал пальцы, выпустил кубик Рубика, сжал руку в кулак и снова замахнулся.

Кубик ударился о пол и рассыпался, разноцветные детали с грохотом разлетелись в разные стороны.

В глазах Чжоу Ши Чэнь Цзяньхао был не более чем неповзрослевшим ребенком, который, кроме как кулаками, ничего решать не умел. Поэтому Чжоу Ши был уверен: стоит лишь подавить его силой, и проблем не останется. Он невозмутимо перехватил оба запястья Чэнь Цзяньхао, лишая его возможности двигаться, а когда тот попытался ударить ногой, вывернул ему руку и прижал лицом к кафельной стене.

Чэнь Цзяньхао не знал, о чем думает Чжоу Ши, он лишь впился взглядом в его лицо и отчеканил:

— Отпусти!

Чжоу Ши понял, что драться дальше тот не намерен, и разжал руки. Он достал телефон и начал что-то печатать, но не успел закончить фразу, как Чэнь Цзяньхао с мрачным лицом подхватил рюкзак и зашагал прочь. Чжоу Ши поджал губы, убрал телефон и, наклонившись, принялся собирать детали кубика.

Жара стояла невыносимая. Палящее солнце безжалостно пекло кожу, и на щеках и спине быстро проступил пот. Чэнь Цзяньхао не знал, куда податься, и просто бесцельно бродил по округе. Неизвестно, сколько времени прошло, но когда ноги начали гудеть от усталости, он вдруг обнаружил, что незаметно для себя забрел к автошколе Далунган. На белоснежной стене ограждения красной краской были выведены аккуратные слова: Время не ждет, держи руль крепче.

В этой автошколе работал его отец, Чэнь Ивэнь. Осознав, что может столкнуться с отцом, который сейчас наверняка обучает курсантов, Чэнь Цзяньхао тут же бросился наутек.

Солнце жгло кожу, как огонь. Пот заливал глаза, заставляя их слезиться и щипать, и он был вынужден остановиться, чтобы перевести дыхание и протереть лицо. Не успел он открыть глаза, как услышал резкий автомобильный гудок, а следом за ним — явно раздраженный голос молодого мужчины:

— Ты что, на тот свет торопишься, раз так близко к краю идешь? Слепой, что ли? Не видишь, что здесь автошкола и полно машин?

У Чэнь Цзяньхао вспыхнула ярость, и он тут же огрызнулся:

— Черт! Ты, придурок, у тебя глаза на месте или в голове дерьмо вместо мозгов? Думаешь, я...
— он осекся на полуслове.

На пассажирском сиденье учебной машины, рядом с водителем, сидел человек с мрачным выражением лица. Это был его отец, Чэнь Ивэнь.

Парень за рулем, видя, что Чэнь Цзяньхао внезапно замолчал, начал распаляться еще сильнее. Слова вроде слабоумный, болван, ничтожество, бессовестный сыпались из него одно за другим.

Чэнь Цзяньхао сжал губы в тонкую линию. Он смотрел прямо на отца, сидевшего на пассажирском сиденье, и не произносил ни слова.

Чэнь Ивэнь вел себя так, будто вовсе не узнал сына, словно тот был для него совершенно чужим человеком. Он равнодушно скользнул взглядом по Чэнь Цзяньхао, отвел глаза и безразлично сказал курсанту:

— Ну, будешь дальше тренироваться? Давай, выезжай на дорогу, не задерживайся, там другие ждут своей очереди.

Услышав это, парень за рулем, ворча, закрыл окно, вдавил педаль газа, и машина скрылась, оставив Чэнь Цзяньхао в облаке выхлопных газов.

Пульс в висках бешено колотился. От одного воспоминания о ледяном взгляде отца, брошенном на него секунду назад, Чэнь Цзяньхао чувствовал себя так, будто его ударили по голове. Пот стекал по щекам на губы, и он слизнул соленую влагу. Она была соленой, как слезы.

Идти дальше он не мог. Поколебавшись, он позвонил своему единственному другу Цайтоу, чтобы тот забрал его.

Цайтоу приехал на старом, обшарпанном мотоцикле. Без шлема, в белой рубашке, которая раздувалась на ветру, он походил на свободную птицу юности. Прищурившись, он улыбнулся Чэнь Цзяньхао, стоявшему в тени деревьев. Его лицо озаряло золотистое солнце, и выглядел он беспечно и легко.

— А-Хэ, вид у тебя совсем паршивый. Запрыгивай! Куда хочешь? Покатаемся.

— Мне некуда ехать, — Чэнь Цзяньхао сел позади него. — Куда угодно, вези, куда хочешь.

Цайтоу завел мотор и крикнул:

— Тогда едем на край света!

Улицы Тайбэя переплетались в лабиринт. Мотоцикл несся так быстро, что казалось, они взлетят. Парки, церкви, площади, торговые центры — всё мелькало перед глазами, словно кадры из фильма. Когда горячий ветер высушил пот на лице, Чэнь Цзяньхао вдруг во весь голос закричал:

— Да пошло оно всё к черту!

Цайтоу рассмеялся и вторил ему:

— К черту! Черт возьми! А-Хэ, если тяжело, кричи! Выкричи всё, и станет легче!

Чэнь Цзяньхао кричал до тех пор, пока в ушах не зазвенело.

Когда он выдохся, Цайтоу спросил:

— Ну что, А-Хэ, полегчало? Хочется теперь перевернуть этот мир?

Чэнь Цзяньхао не хотел переворачивать мир, да и не смог бы. Он не ненавидел этот мир, но и не любил его, и уж точно не придавал ему значения. С самого детства для него существовал только один человек — отец, Чэнь Ивэнь. Жаль только, что отцу до него не было дела. Каждый год на день рождения он загадывал одно желание: чтобы отец хоть немного поделился любовью, которую отдавал брату. Он не был жадным, ему нужно было совсем чуть-чуть. Но даже эта крошечная мечта никак не превращалась в реальность.

Видя, что Чэнь Цзяньхао молчит, Цайтоу спросил:

— Опять отец? — Они дружили с первого класса, и Цайтоу знал всё о его семье. Говорят, что все пальцы на руке одинаково дороги, но к Чэнь Ивэню эта поговорка не относилась. Отец не просто не любил Чэнь Цзяньхао — он его ненавидел, и это было очевидно любому, кто хоть раз видел их вместе.

Цайтоу понял, что друг не хочет говорить, и легко сменил тему:

— Хочешь ледяной десерт? Угощаю.

Чэнь Цзяньхао покачал головой, а потом вспомнил, что друг его не видит, и добавил:

— Не хочу, нет аппетита.

— Ну ты и упрямец! — вздохнул Цайтоу. — Раз отцу плевать, тебе-то что? Забей на него!

— ...Ты не понимаешь, — Чэнь Цзяньхао нахмурился. — Я уже такой взрослый, а всё еще жду отцовского внимания. Наверное, я выгляжу как нелепый ребенок?

— Но ты и есть ребенок! — громко ответил Цайтоу.

На сердце у Чэнь Цзяньхао вдруг стало легче, словно тяжелый камень сдвинулся с места. Он смахнул выступившие слезы и воскликнул:

— Поехали за десертом! Я угощаю!

Цайтоу рассмеялся, обернулся и сказал:

— Вот это настрой! Держись крепче, А-Хэ, прибавим газу!

Когда сумерки уже накрывали город, Чэнь Цзяньхао попрощался с другом. Домой он вернулся, когда совсем стемнело. Он специально выбрал время, когда никого не должно было быть дома, но, едва открыв дверь, увидел в гостиной брата, Чэнь Цзяньхао, который пил воду.

Их взгляды встретились, и Чэнь Цзяньхао невольно поморщился:

— Ты почему дома? — Сказав это, он понял, что голос прозвучал холодно и враждебно, словно он его в чем-то обвинял. Он постарался смягчить тон: — Ты сегодня рано. Занятия в репетиторском центре отменили?

Чэнь Цзяньхао неестественно улыбнулся:

— Да.

Хотя они были родными братьями, из-за постоянной неприязни и враждебности со стороны Чэнь Цзяньхао их отношения были до крайности натянутыми. Обменявшись парой фраз, они замолчали, не зная, что сказать еще.

Чэнь Цзяньхао, молча переобувшись, прошел в дом. Он заметил, что брат с того самого момента, как увидел его, не сводит глаз с разбитого уголка его губ. Чэнь Цзяньхао хотел что-то спросить, но не решался. На душе стало неприятно.

— Чего уставился? — Чэнь Цзяньхао вспомнил тот самый собранный и снова разбитый кубик и решил прервать тишину. — Не смотри так, это я победил. Пара пустяков, через пару дней пройдет.

Чэнь Цзяньхао слегка улыбнулся:

— Понятно. Ты с детства отлично дерешься.

— Ну да, — тихо ответил Чэнь Цзяньхао. — Все-таки несколько лет серьезно занимался боксом.
— Он помолчал и спросил: — Ты всё сказал?

— А? — Чэнь Цзяньхао замялся, а потом мягко произнес: — Тебе нужно обработать рану перекисью. У нас есть? Хочешь, схожу в аптеку?

Чэнь Цзяньхао в упор посмотрел на брата, словно пытаясь прочесть его мысли:

— Ты сейчас меня жалеешь?

Брат не ожидал такого вопроса и растерянно кивнул:

— А что такого?

— Ничего. Просто прошу, не надо меня жалеть. Ты меня этим... — Он хотел выплеснуть на невинного брата всю боль, причиняемую отцом, и слово «тошнишь» уже готово было сорваться с губ, но он сдержался, заменив его на менее обидное: — ...раздражаешь.

Сказав это, он отвернулся. Он смотрел на стену и не видел лица брата, но не мог не заметить, как его черная тень, отбрасываемая светом на обои, дрогнула, словно от невидимого удара.

Чэнь Цзяньхао почувствовал укол совести, но извиняться не собирался.

— Больше не лезь ко мне. Ты же знаешь, я тебя ненавижу.

После этих слов сердце забилося тяжело и гулко. Он быстро прошел мимо застывшего посреди гостиной брата. Бросив взгляд на его бледное, как полотно, лицо и подрагивающие веки, словно он беззвучно плакал, Чэнь Цзяньхао вдруг почувствовал к самому себе отвращение.

<http://bllate.org/book/20953/2124461>